

Петр Альшевский

*Лежащий
атаман*

Петр Альшевский
Лежащий атаман

«Издательские решения»

Альшевский П.

Лежащий атаман / П. Альшевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850199-9

Невероятное путешествие по близким и далеким ирреальным мирам
в компании личностей и сущностей довольно фантастического толка

ISBN 978-5-44-850199-9

© Альшевский П.
© Издательские решения

Лежащий атаман

Петр Альшевский

© Петр Альшевский, 2017

ISBN 978-5-4485-0199-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛЕЖАЩИЙ АТАМАН

НА УКРАШЕННОЙ к Новому Году улице подтаивает грязный снег. В слякотной жиже ползают машины и бродят невеселые пешеходы; с неба льется морось, долговязый человек в поношенном пальто подставляет под нее ладонь с поджатыми пальцами и его пальцы начинают распрямляться подобно цветочным лепесткам. У двадцатисемилетнего Георгия добрые глаза. Проходящая мимо него женщина поддерживает за воротник неуверенно идущего ребенка. Георгий и ребенок смотрят друг на друга – ребенок с интересом, Георгий с истинной нежностью.

Дядя! – воскликнул малыш. – Он хороший, очень хороший...

Конечно, хороший, – сказала мама. – Гляди, как по-доброму он на тебя смотрит. У вас тоже есть дети?

Дети? – удивился Георгий. – Да какие у меня могут быть дети. Я бы мечтал иметь детей... но я об этом не мечтал. Дети – это здорово. Ради детей можно стать лучше, чем ты есть. Если ты можешь стать. Не все же могут. А что вы подарите ему на Новый Год?

Что-нибудь подарим, – ответила мама. – Мы пока не определились. Поразительно... он всегда такой шепутной, а при вас успокоился. Задрал голову и смотрит, меня за собой не тянет... у вас, говорите, детей нет?

Нет... я уже отвечал. Вы меня спрашивали, и я сказал вам правду. Я был бы счастлив, будь у меня дети, не обязательно много, от количества детей любовь к ним разной не становится, но и одинаковая бывает и сильной, и слабой, от сильной любви дети растут здоровыми. Меня любили сильно, и я вырос, я рос бы и дальше, но рост прекратился, и все осталось, как было. И будет. Будет, как было. А было... было у меня, было, и было, и будет, я зациклился, мне часто говорят это слово... я бы сдвинулся, другие слова мне известны, я их произношу, я же использую разные слова... вы уходите? У вас испуганное лицо. Ну, до свидания, не потеряйте вашего сына, держите его покрепче, меня вот держат и не отпускают, передо мной многое бы открылось... я о многом думаю и передо мной ничего интересного, а за моей спиной... я как почувствовал. Ко мне подходит мой папа. Ты с ними поговорил?

Толку ноль, – пробурчал тощий раздраженный мужчина в серой куртке. – Пошли.

На работу меня не возьмут? – устремляясь за отцом, спросил Георгий. – Ты с ними поговорил, и они к тебе не прислушались?

Я их не уговаривал, – ответил Валентин Сергеевич.

Ты с ними просто говорил?

Помимо меня, они говорили и с тобой – помнишь? Ты поднимался и отвечал на вопросы. После твоих ответов мне было бессмысленно о чем-то просить.

Я им не понравился? Отчего-то не подошел?

В который раз, сынок, – усмехнулся Валентин Сергеевич.

Хмм... мне казалось, я встречался с ними впервые. А до этого ты водил меня не сюда. По разным... не сюда. Сюда не водил.

Я тебе поясню. Отчаявшись тебя куда-либо устроить, я повел тебя на свой комбинат, где попросил для тебя самую тупую и примитивную работу. Ко мне отнеслись с уважением! Сказали, приводи, мы с ним пообщаемся – как же я за тебя краснел... Все кончено, я осознал: сиди на моей шее, сынок. Самостоятельное плавание не по тебе. С твоим диагнозом карьеры тебе не сделать.

НЕ СНЯВ пальто, Георгий стоит в коридоре своей квартиры. Ему хочется что-то делать, чему-то себя посвятить, на его лице и жизнь, и боль; Георгия трясет от холода и возбуждения, и он страдальчески взирает на ковыляющую по коридору старушку, которая приходится ему родной бабушкой. Не склонная к сантиментам Татьяна Васильевна проявляет по отношению к внуку привычную сухость.

Ты раздевайся, – сказала она. – Тебе не хуже?

Я собираюсь куда-нибудь уйти, – ответил Георгий.

На улице ты с отцом уже был. Куда тебе еще? Ты не дури – раздевайся.

Я пойду на балкон. Погляжу оттуда во двор.

А что ты в этом дворе не видел? – спросила она. – Ну машины стоят, ну шастает кто-то... подумаешь, радость.

Для меня радость. Я найду, что увидеть, и представлю себе невидимое, но существующее во мне, в моем воображении, у меня хватает энергии и я бы не только вышел на балкон, но и совершил бы, я бы сумел совершить, хотя ничего раньше не совершал и это во мне копится, я чувствую... я иду. Я буду смотреть. Во мне пробудилось... оно безмерно. Я заклинаю тебя меня не задерживать!

Ну иди, – пробормотала она. – Погляди.

Мне мало смотреть. Я буду ощущать и терзаться, меня не изранят, а возведут... я поднимусь. Я им всем докажу.

ГЕОРГИЙ на балконе. Вцепившимся руками в ледяные поручни, он рассеянно смотрит вниз. Балкон не застеклен, завален мокрой рухлядью, открывающийся с четвертого этажа вид крайне стандартен, Георгий дышит все чаще и его взгляд приобретает воинственную возвышенность.

БАЛКОННАЯ дверь открыта. На улице еще довольно светло. Покинув балкон, опустивший голову Георгий широкими шагами проходит через комнату, едва не сбивает в коридоре хмыкнувшего отца, справляется с замком и выходит из квартиры.

ВОЗБУЖДЕНИЕ проходит, и выбравшийся во двор Георгий понимает, что сунуться ему некуда: дома окружают его, как неприступные горы. Он нервно запахивает расстегнутое пальто, Георгий прислушивается к себе, от непосильного напряжения вздрагивает, и к нему возвращается чувство реальности. Георгию становятся слышны нетрезвые возгласы, доносящиеся со стороны продуктового магазина.

«У тебя, козел, на халяву не выйдет: ты же говорил, что я оплачу, а ты мне на улице отдашь. А ты не отдаешь! Я, что, обязан тебя поить?... а я тебя не поил? Разве не было, что ты на нуле, а я тебя выручал?... ничего ты не выручал! Ты всегда проскакивал хитрым таким умником, и люди до поры до времени тебя терпели и угощали, а отныне все! Приехали!... не дашь? Ну, гляди! Я не буду, и ты не будешь! Сейчас я разобью твою бутылку! сколько ни прячь, я ее у тебя вырву... да ты гнида!... тебе от этого не легче!».

Машинально пойдя на шум, Георгий по снежному месиву двинулся к магазину и увидел происходящую у входа стычку между пьяными опустившимися мужчинами; они молча пихаются и толкаются, еле-еле удерживаются на ногах; помимо Георгия за схваткой наблюдает немолодая чопорная дама.

Народ, – процедила она. – Потомки победившего класса. Вы бы их разняли. Чего им тут себя показывать.

Это в нашей мужской природе, – сказал Георгий.

Надираться?

Выходить на поединки, участвовать в битвах... не отступить перед врагом. Испытывать свое мужество.

Вы не ошибаетесь? – спросила дама.

Воплощать тяжелее, чем знать, – ответил Георгий. – Они вот могут, а меня сдерживает растущий во мне... не страх... я бы сказал, барьер, перелезая через который, легко сорваться и разбиться, даже не добравшись до середины, потому что он очень высокий. Гладкий, ледяной и скользкий. Касаясь его, я отдергиваю руку. Кончики пальцев набухают твердым веществом, и оно повышает чувствительность, как бы мне ни казалось обратное. Ведь жизнь обманывает. В сомнениях сливается и надежное, и воздушное.

Шокированная дама не издает ни звука. Послышавшийся Георгию голос принадлежит не ей.

Привет! Как тут у вас?

Обернувшись, Георгий впивается глазами в стройную ярко одетую девушку.

Марина! – воскликнул он. – Я так рад тебя видеть! А у нас тут борьба. Мужчины выясняют, кто есть кто, а я слежу и мне не очень интересно. Мне приятнее пообщаться с тобой – отойдем к подъезду и там поговорим.

Я вообще-то собиралась зайти в магазин, – сказала Марина. – Но они прямо у входа... как бы они меня не задели.

Они тебе мешают? Ты только скажи, и я мигом дорогу тебе расчищу.

Ты? – усмехнулась Марина. – Что же ты с ними сделаешь? Они пока заняты друг другом, но если ты на них попрешь, они могут и помириться. И тогда тебе не поздоровиться.

Да кто они, – пробормотал Георгий. – Я бы с ними справился, ради тебя я бы на них пошел и никого бы не побоялся, ты не знаешь, но у меня есть сила, я ее не проявляю, и вы считаете меня каким-то слабым: и ты, и Андрей, и остальные парни из нашего двора, постоянно спрашивающие меня о здоровье. Они мои друзья с детства, и их забота мне при... при... неприятна, честно, неприятна, я такой, и вы ко мне относитесь чутко, так повелось. Никуда не денешься. Мне невесело – мне мечтается, что я больше, чем вы думаете, я успокоюсь... ты не отворачивайся. Смотри на меня. Ты смотришь... ты с Андреем? Вы не расстались?

Мы с ним живем, – ответила Марина. – Почти душа в душу.

Вы не ссорьтесь. Умейте ценить... это нужно... не у всех есть то, что нужно. Одному в этом мире плохо. Одиночество давит, подавливает и вконец обрушивается, и не встать... придавило. – Георгий вдавил кулак в свою грудь. – Я чувствую.

ВЕРНУВШИЙСЯ в квартиру Георгий лежит на полу. Он в пальто, но без ботинок, к дальней от него стене прислонена невысокая елка, на ней ни игрушек, ни мишуры, Георгий потерял и раздавлен. В комнату входит постучавшаяся Татьяна Васильевна. Она увидела внука, Георгий увидел ее выражение их лиц не изменилось. Татьяна Васильевна подошла к окну, затем мимо Георгия направилась назад, подняла с пола обнаруженную рядом с внуком песчинку грязи или пыли; оказавшись над Георгием, задержалась.

Лежишь на полу? – спросила она.

Где я хочу, там я и лежу, – ответил Георгий. – А я хочу.

В пальто? Никак мне тебя не приучить! Приходя с улицы, дорогой ты мой, верхнюю одежду надо снимать.

На улице достаточно тепло, – сказал Георгий.

А здесь нет?

Я лежу на полу. Без одежды на полу холодно. Сейчас, если ты помнишь, зима.

На улице плюс три – такая у нас зима, – проворчала Татьяна Васильевна. – Но пол, наверное, холодный. Сама я не пробовала, но если ты говоришь... твоей голове не жестко?

Она – часть меня, и я ее ничем не выделяю. Она не лучше прочих моих составляющих, возможно и наоборот: из-за нее я и пропадаю. У меня с ней старые счеты, но не биться же ею об пол. Поднимая и врезаясь затылком. Не стой надо мной! Не нависай... отойди к двери. Завтра я открою дверь, потом вторую дверь и пойду к школе. Чтобы походить возле нее и вспомнить, что класса до пятого я был, как все. Это должно мне помочь.

Не до пятого, – сказала Татьяна Васильевна.

А до какого?

До третьего. Ты надломился раньше, чем ты думаешь.

Ну... ну не стой же ты надо мной! – хватаясь за голову, закричал Георгий. – Я бы вскочил и избавился... не получается!... я бы посмел!... не получается...

ОБЕРНУВ вокруг шеи колючий шарф, Георгий бродит среди деревьев за зданием школы, представляющим для него мрачной крепостью. Георгий сжимается, хочет уйти, в его взгляде нарастает безысходность, однако сделанное над собой усилие позволяет Георгию расправить плечи и ощутить уверенность в возможности штурма, проводимого им не вовне, а где-то в себе; героический настрой на внутреннюю победу сбивают две десятилетние девочки, опасливо проходящие между мужчиной и школой. Мыслительные конструкции Георгия рушатся. Происходит мгновенный обвал, и Георгия охватывает жуткое одиночество. Протягивая к девочкам руку, он с ними заговаривает.

Вы учитесь в этой школе? – спросил он.

А вам что за дело? – переспросила первая девочка.

Я тоже в ней учился. Видите, я подросток, но я вокруг нее хожу, смотрю, что изменилось, по-моему, ничего. Хотя я учился в ней недолго, и меня из нее рано перевели. В другой район я не переехал. Я, где жил, там и живу, особых перемен не было... если говорить не о том, где я живу, а о чем-то ином, случившимся со мной, я бы вам рассказал, однако вам скучно. По вам заметно, что вы спешите. Новый Год вы будете встречать дома? Не в одном, а каждая в своем. Или вы сестры?

Вы интересуетесь сестрами? – спросила вторая.

Но вы же не сестры, – пробормотал Георгий.

И теперь вы нас к себе не позовете? – поинтересовалась первая.

Ко мне? – удивился Георгий.

Встречать Новый Год, – кивнула первая. – Ты бы к нему пошла?

Вместе с папой, – ответила вторая. – Он бы ему быстро все кости переломал.

И полутруп сдал бы в полицию, – добавила первая.

Да вы о чем? – воскликнул ошеломленный Георгий.

О том, – сказала первая. – О подобных дядях, возле школы ошивающихся, нас предупреждали. Девочек вам захотелось? Таких маленьких, лет по десять? Вы хоть немного понимаете, что это неправильно?

Ты у кого спрашиваешь? – хмыкнула вторая. – У него? После того, как он сказал, чтобы мы с ним шли?

А он это говорил? – спросила первая.

Не говорил, – признался Георгий. – Я сказал, что я здесь учился, и когда меня стала одолевать болезнь, я отсюда... меня отсюда перевели – о болезни я не сказал, и вы решили, что я болен, так оно и есть, но моя болезнь не в том... вы на меня несправедливо ополчились. Я обратился к вам, как к людям, а не как к девочкам... с наступающим вас. Хороших вам подарков, успехов в учебе – вы учитесь в обыкновенной школе, а я доучивался в специальной: ее называют вспомогательной. В эту, что перед нами, я бегал с куда большим удовольствием.

Поэтому вас туда и перевели, – сказала первая.

Меня перевели, и я не спорил. Вовсю стараясь на уроках, надеялся вернуться в простую, но из моей новой школы было не выбраться. Мне и сейчас во взрослой жизни на общую для

всех дорогу не выйти. Собственными усилиями никак... надо полагаться на чудо. Не отчаиваться и ждать. Быть готовым.

РАСПИРАЕМАЯ энергией комната. Прижав ладони к коленям, Георгий с прямой спиной сидит на диване, глядя на елку. Большинство висящих на ней лампочек неисправно, но отдельные горят и кое-как освещают его сосредоточенную физиономию: на Георгии нем белая рубашка и черные брюки.

Замеревший Георгий непроизвольно совершает одно неприметное и повторяющееся движение – поджимает и разжимает пальцы босых ног.

НА КУХНЕ нечем дышать. Татьяна Васильевна, переминаясь у плиты, готовит праздничный ужин, злобно хмурящийся Валентин Сергеевич убивает время за столом: перед отцом Георгия початая бутылка водки и тарелка с солеными огурцами. На сковородке шипит масло, поднимающиеся от нее испарения заполняют помещение густым смрадом, к изводящим Валентина Сергеевича переживаниям дополнением это становится существенным.

Что ты тут жарить? – проворчал он. – Отчего такая вонь? Рыба, рыба, где ты эту рыбу... открыть бы окно, но там прохладно – поперет, продует, у нормальных людей на Новый Год мясо или утка, а у нас рыба. Почему рыба?

Рыба дешевле, – ответила Татьяна Васильевна. – Бывает другая, дорогая рыба, но я купила дешевую. Вот она и воняет.

А нельзя, чтобы так, ну... не воняло? Я все-таки работаю, и что-то зарабатываю, и в праздник мне бы... плевать мне! Пусть воняет! Я выпью водки и справлюсь. Рыба – не рыба... отчего-то именно рыба. – Налив рюмку, Валентин Сергеевич выпивает и недовольно морщится. – Какая водка... гнусная! Градус нормальный, а вкус жуткий. Говорят, у водки нет вкуса – у этой есть. Ужасный вкус.

Водку ты сам покупал, – сказала Татьяна Васильевна.

Сам, сам. И жену я выбирал сам, и сына... не выбирал, но участвовал, ну у меня и сын, о Господи, единственный мой наследник. Ты что, улыбаешься? Думаешь, наследовать нечего? Ни материально, ни морально? Ты меня не оскорбляй! Я не такой идиот, я хотя бы немного чего-то заслуживаю. А он... он в мать. В безумную женщину, рано из жизни ушедшую. Задержишься она подольше, я бы тоже ей под стать... прыгал и стонал.

Когда ты ее привел, я тебе сразу сказала: не женись на ней – она со сдвигом. Ты ко мне не прислушался. И теперь мы с тобой расхлебываем. Ее давно нет, а Георгий с нами, и от нас он никуда не уйдет. Куда ему идти? С его мозгами... ребенка.

До сих пор верящего в Новый Год, – вздохнул Валентин Сергеевич. – В чудеса, в волшебство... я бы елку вообще не ставил, но для него она важна. Ему двадцать семь лет, а он, не отрываясь, смотрит на лампочки и игрушки. Ты видела?

Как ты ее поставил, так и смотрит, – подтвердила Татьяна Васильевна. – Уже три дня.

Я заглядывал к нему в комнату и вставал у двери, пытаюсь как-нибудь повлиять на него своим биополем: мол, не гляди на нее, взгляни на меня, я твой отец и у меня нет денег на хороших врачей, однако я хочу тебе помочь, и ты обязан меня уважать – подчинись! Посмотри! Неудача, мать, неудача... не посмотрел он на меня.

Ты на него не орал?

Зачем мне орать на больного, – сказал Валентин Сергеевич. – Я воздействовал на него исключительно мысленно. Мои мысли, его мысли – не сошлось, да я и не рассчитывал. О чем-то он, конечно, размышляет... От некоторого ума не избавлен.

ГЕОРГИЙ смотрит на елку, безмолвно моля об избавлении.

МОЛОДАЯ беззаботная компания восседает за ломящимся от выпивки и закуски столом, она по-настоящему празднует Новый Год, из широко открытых ртов вырывается дикий смех, на перекошенных лицах превалирует оптимизм и позитив – в числе прочих здесь

и Марина, и ее широкоплечий муж Андрей, и короткостриженный любитель повеселиться Дмитрий Ельцов. Одно место за их столом пусто.

НАД ДРУГИМ столом пылают пять плафонов, не влияющих на атмосферу затхлого склепа. Зажав под мышкой бутылку шампанского, Татьяна Васильевна передвигает тарелки и ищет для нее подходящее место.

Георгий здесь. К стене привинчено панно с двумя перекрещенными топорами. Стоящий возле елки стол застелен свежей зеленоватой скатерью. Сдвинутые к краю рюмки вымыты далеко не идеально. Георгий ни на что не обращая внимания, он с той же отрешенностью смотрит на елку, прямо на его глазах на ней перегорают еще одна лампочка.

Валентин Сергеевич разговаривает в прихожей по телефону.

Желаю тебе счастья, удачи, – сказал он, – я тебя поздравляю, а меня в ответ не надо... да потому... у тебя высокая зарплата, у твоей жены не меньше, дочь у тебя играет на виолончели, отлично разбирается в компьютере... это существенно, существенно... моя жена умерла, сын не в себе – я всех тащу на своем горбе... новогодние вирши... само как-то сложилось. Сейчас можно и посмеяться, настроение, разумеется, поганое... женщины у меня нет – я бы подыскал, но желание с годами ослабло, и толкаться с кем-то лишь ради... с горячей женщиной я бы залег. Я в этом деле понимаю, ага... женщину с квартирой не найдешь, а приглашать ее к нам... как ты представляешь? У меня мать, сын... тут и без нее выше крыши навалилось. Как у сына? Как у него с женщинами? Да посматривает он на них, если увидит. И я посматриваю... я бы добился. У меня бы они были, а у него... что у него? Он со мной. Я за ним наблюдаю.

ВСЯ семья за столом. Поглощение ужина откладывается. Георгий опирается на опущенную зубцами вниз вилку, Татьяна Васильевна берет банку рыбных консервов и пытается вчитаться в содержащую на этикетке информацию, поговоривший по телефону Валентин Сергеевич задумчиво молчит и его не торопят. Взглянув на собравшихся, он громко фыркает и ничего не говорит. Он молчит. Ему приходится несладко.

Побеседовал с другом, – наконец сказал он. – Классный мужик, такой родной... минут двадцать меня слушал. Сопереживает он мне. Поражается моей стойкости и делает вид, что не чувствует, как ему я завидую. Тебе, мать, чего?

Давай водки, – сказала Татьяна Васильевна. – Мне неполную. Иначе курантов я не дождусь.

Напирая на неполные, ты точно не дождешься, – проворчал Валентин Сергеевич. – Ты пей, не тревожься: бой курантов тебя не разбудит, а я разбужу. Не подведу тебя, мать. Как только они начнут бить, я тебя растолкаю, и самое главное мы не пропустим. Встретим Новый Год всей семьей. Значит, тебе водки, и мне водки... тебе сока?

Я лучше шампанского, – ответил Георгий.

Тебе и шампанское ни к чему. Удовольствия от одного фужера немного, а последствия... учитывая твои особенности. Пожалуйста, я тебе налью, но к водке не прикасайся. Даже если я напьюсь и не смогу тебя контролировать.

Ты сегодня напьешься? – спросил Георгий.

А ты как думаешь? – возмутился отец. – Думаешь, у меня нет причин?! Мне под пятьдесят! И я сплю в одной комнате со своей матерью! У нас в квартире две комнаты, и прежде с ней спал ты, а я отдельно... тогда мне было свободнее и проще, но ты взбрыкнул, поставил вопрос ребром и отселил ее ко мне. И что мне? Как мне жить? Почему ты не можешь спать с ней в одной комнате?

Я ее боюсь, – сказал Георгий.

Меня? – удивилась Татьяна Васильевна.

Прости меня, бабушка. Ночами мне мерещится страшное и я борюсь... побеждаю. Мне легче побеждать, когда я один. Один на один со всем этим. Скоро вновь придет ночь, но она будет необыкновенной, фантастической, новогодней, и вас, как и меня, никто не обидит,

потому что я верю и я знаю, я с детства надеялся и не отступался, мне трудно говорить долго. Вы догадаетесь и без меня. Стол накрыт и елка... елочка горит... глядя на нее, я расту и понимаю, какое счастье быть рядом с ней и полагаться на изменения...

Утомил! – воскликнул отец. – Смотри на свою елку и помалкивай! Шампанское я тебя открою, но позже. Ты глотнешь и ляжешь спать, а пока, парень, жди. Провожая Старый Год, мы выпьем без тебя. – Взяв бутылку водки, Валентин Сергеевич наливает матери и себе. – Ну, мама... порадовал тебя уходящий год?

Не слишком, чтобы... впрочем, мы живы и не боеем. Я не про всех, а о тех, кто не болел и не заболел в уходящем году. А кто болел, тот и болеет, но винить уходящий год...

Довольно мямлить! – прокричал Валентин Сергеевич. – На кухне втихую не приложилась? Употребила?

Нужно мне это, – пробормотала мать.

Ладно, не оправдывайся. Поднимай рюмку, а я скажу. В общем, прощай, год. Ты уходишь, и я не вижу оснований тебя задерживать. Огромной радости ты не принес, большими горестями не пригнул, до двенадцати еще есть время, и я повспоминаю... философски осмыслю плюсы и минусы.

ВАЛЕНТИН Сергеевич и Татьяна Васильевна отошли ко сну. Их кровати недалеко друг от друга; в проходе между ними виднеется груда из четырех сброшенных тапочков, запускаемые на улице петарды рассеивают мрак и озвучивают продолжающийся праздник; откинув одеяло, Валентин Сергеевич спит и стонет. Татьяна Васильевна дышит редко и глубоко.

Георгий стоит у окна в своей комнате, прикладывается к бутылке шампанского, внизу толпятся люди. Снизу доносятся радостные вопли, оттуда взмывают цветные огни; по мнению Георгия, там все до невозможности прекрасно.

РАЗРОЗНЕННЫЕ группы по два-три человека, занимая одно пространство, создают ощущение целостности, приплясывают и переговариваются на повышенных тонах; разговоры из-за беспрестанно взрывающейся пиротехники неразличимы, обнимающиеся люди словно бы прощаются в эпицентре разыгравшегося сражения – поднимают стаканы, поминают погибших; муж Марины Андрей вместе с Дмитрием Ельцовым твердо стоит у скамейки.

Бутылка у Дмитрия. Андрей только что выпил и осматривается. Пробираясь сквозь приветствующий его народ, Георгий направляется к ним.

Погляди, кто идет, – сказал Андрей.

Георг! – воскликнул Дмитрий. – Как его только выпустили.

Он живет дома, а не в больнице. Родня, наверное, заснула, и он вышел. И ты с ним помягче. Не смей над ним насмехаться.

Я над ним никогда не смеялся. Я сам за него, если над ним кто... Георг! С Новым Годом тебя! Радости, любви... здоровья!

И тебе, – сказал Георгий. – А Марины нет?

Она здесь, на улице, – ответил Андрей. – Отошла куда-то... Макс! – крикнул он в направлении толпящийся поблизости компании. – Мою жену не видел?

Ты на ней женился, ты за ней и следи, – усмехнулся мощный Макс. – Привет, Георг. С праздником тебя.

Спасибо, Максим. Как там твой сынишка? Мужает?

Твои молитвами, Георг.

О его сыне ты с ним потом поговоришь, – сказал Андрей. – Мы с Димкой тут пили, и ты, если ты с нами, выпить тоже можешь, но мы пьем водку. Тебе она вряд ли пойдет впрок. Я тебе не налью... отвечать за тебя я не намерен.

Да налей ты ему, – сказал Дмитрий. – Твоя жена взяла и ушла, и у нас как раз три стаканчика. Будто бы так и задумано! Словно бы нечто высшее дает нам знак, чтобы Георг с нами выпил. Ты хочешь? Насильно мы не заставляем.

Немного плесните, – кивнул Георгий. – У вас большая бутылка?

Литровая, – ответил Андрей. – И до твоего прихода мы не выпили и треть. Держи твой стаканчик.

Не хрустальный, а пластмассовый, – пробормотал Георгий. – Он еще пуст, но вы в него нальете... вы обещали. Вы – мои друзья, и я убежден, что исходящее от вас не станет для меня бедой, и я приобщусь к пробуждению ото сна... не сведу продвижение к схеме, от которой я отклонялся. При вас я скажу себе: я проберусь, меня не прихватят клешнями... лей, Дима. Бутылка уже у тебя?

Теперь у меня.

Лей...

Тебе побольше? – спросил Дмитрий.

А кто говорит, что я напуган? – воскликнул Георгий.

Я налью, рука не дрогнет... тебе, что, полный?

Хватит ему наливать! – рявкнул Андрей. – Ну, ты и налил... действительно почти полный.

Переливать я не буду, – жестко сказал Георгий. – Назад в бутылку? По вашим стаканам. У меня свой! Я поднимаю его в эту волшебную ночь, желая чокнуться с моим друзьями пластмассой об пластмассу и запомнить... намучившись, преодолеть... за нас! За мужчин!

За мужчин! – крикнул Дмитрий.

За нас, – усмехнулся Андрей.

За мужчин! – повторно проорал Георг.

ЛЮДИ разошлись по домам. После них все осталось загаженным. Пакеты, бутылки, стаканы; перебравший Георгий, закинув ногу на ногу, величественно сидит на скамейке: он заснул.

Георгий не один – с Андреем и Дмитрием. Они располагаются на том же месте в ином настроении; у них тягостные мысли, они сумрачно перекуривают их неспешный ход и с равнодушием поглядывают на Георгия, который непоколебим, как скала; если подойти к нему вплотную, можно расслышать сколь отчетливо скрипят его зубы.

Одновременно стряхивая пепел, Дмитрий с Андреем не двигаются.

Много выпили, немало успели, – сказал Дмитрий. – Я трезв, но в любую секунду могу упасть, и пора идти ложиться, завтра похмеляться ты приходи ко мне попозже, я собираюсь выспаться, впрочем, приходи и буди, с такого перепоя мне снятся кошмары, и чем раньше ты меня разбудишь, тем скорее я выйду из них сюда – в реальность... с распухшей башкой... что будет с Георгом, нам вообще не представить.

Ты его не хорони, – сказал Андрей. – Что для нас проблема, то для него... не знаю... озарение. В его черепе все перекручено как-то по-своему, и как бы там в какую сторону не раскручивалось и не сворачивалось, по нашим меркам это не измерить. Но на морозе мы его не оставим. Думаешь, похолодало?

Если только формально. Не так... мне не очень холодно. За Георга не скажу. Замерзнув, он бы проснулся – при некоторых условиях помереть тоже вариант. Люди на холоде мрут.

В длинных трусах болотного цвета, – пробормотал Андрей.

Чего?

Воспоминание, как образ из зеркала. Непонятные явления алкогольного отравления. Георга мы не к нему в квартиру потащим. Я не намерен общаться с его отцом, который увидит сына и устроит нам... эмоциональный натяг. Затащим в подъезд и положим... в подъезде Георг уцелеет.

И нам хорошо, – согласился Дмитрий.

В связи с Георгом, – кивнул Андрей.

Не самим по себе, а от того, что мы его не бросили. Не оказались пьяной сволочью, вернувшейся домой... не учитывая его состояние.

Ты в нас не ошибся, – сказал Андрей. – С холода мы его уведем.

Сработаем весьма четко – я потяну его на себя, а ты приподнимай Георга за другое плечо и не говори мне, что ничего не выходит, нас же никто не заставляет гнать лошадей, у нас полно времени и мы попробуем разные комбинации. В итоге выберем подходящую и потащим... утащим... утащим...

ГЕОРГИЙ в собственном мире. Неспящее сознание отделено от физического тела. Когда Георгия поднимают со скамейки, его бережно подхватывает выталкивающая из застылости волна и простирающийся перед ним путь усыпан светящимися брызгами, на пересекаемых Георгием вязких участках раздаются всхлипывания страдающих под поверхностью существ; опустившийся на корточки Георгий желает им помочь и, собираясь кого-нибудь нащупать, по локоть опускает руки в пористую субстанцию. Руки застревают, и он с агрессивным рыком выдергивает их по одной, напоминая изготовившегося к схватке борца сумо; в правом верхнем углу скачет пылающая звезда, из земли неравномерными толчками вырастают стены – наяву Георгия вводят в подъезд.

Он в огромном зале с внушительным количеством новогодних елок. Кроме лампочек, тут горят и факелы, чьи длинные ряды с обеих сторон нависают над головой Георгия, крутящегося среди беспорядочно расставленных елок; они слегка осыпаны искусственным снегом, попробованным Георгием на язык прямо с ветки. Острый вкус и острые иглы, язык поврежден, Георгий кривится, между елками промелькнула девушка: судя по одежде, снегурочка. Пораженно ахнув, Георгий метнулся ее искать. Там нет, не видно и там, а там тоже самое, там он уже смотрел, маняще пританцовывающая снегурочка замечена в конце зала у открываемой в стене двери.

Пока Георгий не очень быстро к ней подбегал, девушка вошла и дверь закрылась.

Георгий замахивается, чтобы постучать кулаком. Предпочитает деликатно поскрестись.

Ты меняпустишь? – спросил он.

Не торопись, – ответила она. – Я переодеваюсь.

Я хочу посмотреть, как ты переодеваешься. Меня одежду, ты совсем раздеваешься?

Почти. Будь ты внутри, ты бы сорвал с меня последнее.

Я буду внутри! – заорал Георгий. – И в помещении, и внутри тебя, я страшно долго терпел и все удовольствие достанется одной тебе, я кое-что поднакопил – этого бы хватило на шесть-семь женщин, если на каждую по три-четыре раза... они бы хрипели от восхищения, благодаря провидение за выпавший им шанс лежать подо мной: отворяй! Воспользуйся мега-случаем!

Я тебе открою, – произнесла она. – Преодолею застенчивость. Опасаясь за мое бедное невинное тело, я уже иду к двери.

Не утруждай себя! Ты меня настолько распалила, что я сам ее высажу! Ты хорошо настроилась?

Я вся покраснела... я стесняюсь...

Отойди подальше! Побойся двери. Чтобы, сорвавшись с петель, она тебя не зашибла. Снегурочка ты моя... сладкая крошечка.

У меня вздымается грудь... я таю от желания во всем тебе подчиняться. Ты обойдешься со мной достаточно жестко?

Ты жаждешь пожестче? – воскликнул Георгий.

Да... с тобой, да. А то, знаешь: нежнее, милый, нежнее – это какая-то профанация секса. Жалкие глупости! Подобная сдержанность не для нас.

Хейя-хей! Никаких ограничений! Через несколько секунд... я выбью дверь и предстану перед тобой – я постараюсь тебя до предела... я возбужден! Я разбегаюсь.

Отскочив от двери, Георгий несетя, сносит ее плечом и вываливается в комнату с полусотней размещенных повсюду светильников.

Георгий не упал, сразу же остановиться у него не вышло; с выставленным плечом он по инерции бежит к девушке, на ходу расстегивая брюки.

После непосредственного охвата взглядом переодевшейся снегурочки Георгий поспешил их застегнуть.

На ней кожаное белье, в руке она держит хлыст; снегурочка откровенно настроена на садомазохистские игры.

Не дрожи передо мной, повелитель, – сказала она. – Прикажи мне тебе подчиниться, и я выполню твой приказ, особенно если ты прикажешь мне любовно тебе обнажить и бешено исхлестать до костей. Ну? Понеслось?

Ты меня не дури, – процедил Георгий. – У тебя, крошка, не то положение, чтобы твоего господина увечить: хлещи-ка ты себя. Постепенно я войду в раж и тоже тебя похлестаю... при твоём желании быть избитой.

Тебя волнуют мои желания? Это не сексуально. Плохих девочек наказывают, не спрашивая у них, какие они предпочитают способы. И позы. Вырви у меня хлыст и поставь свою девочку где и как захочешь! Или займи мое место и умоляй меня прикладываться с оттягом, усеивать твоё грешное тело длинными сходящимися линиями, по которым из тебя уйдет жизнь – в высшей точке вездомного удовольствия. Когда ты это испытаешь, ты не сумеешь найти смысл жить дальше, поскольку до вершины ты уже добрал. На тебя поглядят и заметят: да он ободрался при спуске, неспроста же у него такая изодранная плоть – ха... Они заблуждаются. Ты на вершине, и ты с нее ни ногой.

Я еще тут, – сказал Георгий.

Мысленно ты забрался. А в реальность мы воплотим – хлыст не подкачает. Забивая тебя без снисхождения, я, мой повелитель, его не выроню, у меня хватит совести наслаждение тебе не обламывать, я...

Я сделал выбор! – воскликнул Георгий.

Что бы ты ни сделал, – покорно сказала она, – моя поддержка тебе обеспечена.

В роли истязаемого человека выступишь ты. Обращению с хлыстом я не обучен, но сердце мне подскажет, как вернее тебя исполосовать. Первые удары пойдут в разряде пробных, и ты свою кожу... одежду... остатки... может пока не снимать, ну а потом я разойдусь, и для снятия с тебя твоей кожи одетая на тебе кожа станет несущественной, но помехой – я тебя от нее избавлю.

Сдерешь? – спросила Снегурочка. – Отлупишь и отдерешь?

Нагнись. Спиной ко мне. Хлыст я у тебя забираю... мужское воздействие я на тебя окажу... прежде ты этим занималась?

Я берегла себя для тебя, – прошептала она.

Ты – умница. Я тебя уважаю.

Георгий примеривается к нагнувшейся Снегурочке – потряхивает хлыстом, разминает через брюки набухший половой орган; в районе двери кто-то хихикает, Георгий начинает хихикать в ответ, но, озаботившись происходящим, он умолкает и беспокойно озирается – обнаруживает вошедшую в комнату обезьяну, вращение головы не приостанавливает, обезьяна того же роста, что и Георгий, и она ухмыляется; у нее наглая морда и густая свалявшаяся шерсть.

Классная девка, а? – риторически спросила она. – Ты бы ее, конечно... да и я бы. Вдвойне! Но это развлечение для заурядных натур. Я даю тебе слово! В небесах поют ангелы!

Ринувшись за мной, ты убедишься, что предчувствия тебя не обманули. Пойманной тобой деточкой займутся и без тебя, а тебе нужно бежать, и не обязательно от кого-то, а за мной.

А ты побежишь? – спросил Георгий.

Прямо сейчас.

И мне бежать за тобой? А она?... я же мужчина, и бросить женщину, когда она настолько готова, весьма... некрасиво. Ты мужчина?

Мужчина, – кивнула обезьяна.

Со мной два мужчины, – проворчала Снегурочка, – и оба собираются убежать и лишить меня женского счастья.

Что я слышу, – пробормотал Георгий.

А что? – спросила Снегурочка.

Ты бы согласилась и с обезьяной?

С хилой бы ни за что, но этот здоров... волосат. Славный мужик. Отдай ему хлыст, и пусть он остается.

Сама отдавай, – с горечью произнес Георгий, отшвыривая хлыст. – Между нами все кончено. Если ты забыла о наших чувствах, то Бог тебе судья.

Ты видишь? – усмехнулась обезьяна. – Ты к ней со всей душой, а она к тебе? С кем попало! Даже с обезьяной! От плевка ты не увернулся! Ты и дальше будешь раздумывать? Не позорься! Я побегу, ну и ты! Не сомневаясь! Не отставая!

Обезьяна выскочила из комнаты, и Георгий, помявшись в раздумиях, бросился за ней. Вместо зала он попал в тесный коридор с факелами не на стенах, а на полу – они не гаснут, впереди и позади Георгия узкая огненная река, моментами достающая ему до пояса; уперто семенящего Георгия пламя не трогает. Где-то вдалеке время от времени кричит обезьяна:

«Ступай прямо!... прямо и прямо!... ты прав, и ты это знаешь!... уходи вбок! Тебя разгадали!».

Пламя заполняет собой весь коридор. Георгий уже едва виден. К совету Георгий прислушался, он лупит по стене руками и ногами, но она не поддается, и тогда он, задействуя последнее средство, врывается в стену лбом. Этого она не выдерживает. Вслед за развалившейся стеной обрушивается потолок, следует надрывающий барабанные перепонки треск, все обращается в пыль.

ГЕОРГИЙ на мертвой каменистой равнине. Серое небо пугающе нависает, грозная тишина навеивает мысли о скором и печальном конце; Георгий пытается сбить наваждение, набирает рывками побольше воздуха и в полную силу орет. Свой голос он не услышал. Повторив попытку, Георгий понял, что здесь ему суждено молчать. Почему же? что за идея? открывающий рот Георгий разговаривает с собой вслух, но наружу сказанные им слова не выходят; Георгий ходит, жестикулирует и осекается.

Перед ним стоит рыцарь. В нечищенных доспехах, с вынутым из ножен мечом; шлем деформирован. Забрало опущено.

Завязать общение Георгий не в состоянии. Он напряженно выжидает.

Я к тебе, – сказал рыцарь.

Ты можешь говорить? – удивленно спросил Георгий.

И ты можешь, – ответил рыцарь. – Разве нет?

До того, как ты пришел, я не мог. Я бы не стал тебе врать. Ты не обезьяна?

Какая еще обезьяна? – возмутился рыцарь.

Она завела меня в лабиринт. Чтобы очутиться здесь, я из него вырвался, и я бы не сказал, что усилия того стоили.

Ты был не в лабиринте, – сказал рыцарь.

Я шел по прямому коридору. Ты, смотрю, в курсе... как думаешь, мне надо тебе доверять?

Мы с тобой встретились ненадолго. Сейчас тут произойдет убийство, и мы после него не расстанемся, но кто-то из нас будет жив, а кому-то придется послужить второму – живому. Для великих свершений рожденному.

Ты о себе? – спросил Георгий.

В моем распоряжении меч.

И ты меня... безоружного. Вероятно, напололам.

Не я тебя, а ты меня, – сказал рыцарь. – Убив меня, ты сядешь на мое тело и полетишь. Я сделаюсь для летательным аппаратом, который доставит тебя в следующий пункт назначения. Вернее, предназначения – на мелочи мы не размениваемся. Не щадя дарованной нам жизни, преследуем настоящие цели. Прогрызаем глубинные ходы, прорываемся к неизведанному – я высказался за тебя.

Я не возражаю, – сказал Георгий. – Ты не погрешил против истины.

О успехах не беспокойся – мой меч проткнет их без проблем. Отведи руку и бей мне в живот. И вгоняй его сильнее, чтобы я не мучился: я волнуюсь не за себя, к адской боли я равнодушен, в тревоге за тебя причина – пока я не умру, ты никуда не улетишь.

А лететь мне необходимо, – пробормотал Георгий.

Убивай и полетишь, – протягивая меч, сказал рыцарь. – Только потом не выбрасывай. В будущем мой меч тебе неоднократно понадобится.

Отличный меч... и рукоятка точно по моей руке...

Ты не болтай! – крикнул рыцарь. – Вонзай!

Тише... ты на меня не кричи. Твоя участь определена, и не мне ее изменять, хотя я вправе тебя пожалеть... но тогда я не полечу, а ты говорил, что мне нужно лететь. Ты говорил дело. – Вогнав в собеседника меч, Георгий вытянул свободную руку и закрыл рыцарю глаза. – Ты не падай. Я разрешаю тебе постоять. Ох, поспешил я, ну что же я... ты же не сказал, куда мне лететь. Скорей скажи, скажи... ты не умер? Он умер. А вокруг никакого ориентира – все одинаковое. Остается полагаться на интуицию.

В ПОХОЖЕЙ на небытие призрачности Георгий летит на спине рыцаря, чьи руки выкручены назад наподобие мотоциклетного руля; перед Георгием лежит меч, в непроглядной туманной вязкости глаза рыцаря горят яркими фарами; однообразная пустота местами трескается, мутные очертания неизвестно чего возникают внизу и в перевернутом виде нависают сверху, насупленный Георгий, отслеживая перемены, поправляет сдвигающийся вправо меч, затрепыхавшийся рыцарь начинает сдавать – без указания Георгия он дергано снижается, и это несомненно, но увидевший землю Георгий не знает как относиться к тому, что она отдалается, не хочет идти на сближение,

наконец, земля застывает. Следует несколько мгновений полнейшего оцепенения всего сущего, в течение которых Георгий чувствует насколько же он мудр и безмятежен. Соскочившим с рыцаря, он раскованно делает пируэт и камнем устремляется вниз.

Первым в землю воткнулся меч. Затем на нее свалился рыцарь. Георгий поспел лишь третьим.

Меч торчит рядом с ним, использованный рыцарь рухнул в ином краю; собравшийся с силами Георгий привстает и, не устояв, усаживается в позу для медитации. Когда он закрывает глаза, мир кажется ему светлее, чем когда он взирает на него открытыми.

Внутри себя Георгий наблюдает приятное мельтешение кувыркающихся на белом фоне предметов. Куполов, фуражек, сачков; на купол надевается фуражка, и на нее накидывается сачок.

Со временем светлее становится и снаружи. В борьбу со мраком вступает квадратное светило, пульсирующее на небе слепящими выплесками.

Георгий прикрывается ладонью, отворачивается и инстинктивно загоразживается обеими руками, поскольку перед ним женщина. Вся в ожогах и бородавках: она полуобнажена. Объективно говоря, уродлива.

У вас нет спичек? – спросила она. – А то холодно. У меня хворост – я его выронила, но за ним можно сходить. Три дня по равнине, пять дней по предгорьям, вы смотрите на мое лицо?

Это принято при знакомстве, – сказал Георгий. – Когда ты еще не убежден, с тем ли ты повстречался... с той ли.

Мое лицо омерзительно. Молодых и неопытных оно бы оттолкнуло, однако вы бывалый странник. С вами я ощущаю себя женщиной.

А ты...

Мы, – поправила женщина. – Теперь уже мы.

А мы здесь одни? – спросил Георгий.

Хотите встать и уйти? Направиться искать другую подругу? Запомните навсегда – из женщин тут только я. И если у вас, как у нормального мужчины, есть охота сношаться, вам придется делать это со мной. И вы будете это делать!

Да мне бы...

Будете!

Если есть охота, а у меня, извините, обычно бывает, от предложений такого рода я не отказываюсь, женщины для меня равносильны мечте о райском блаженстве, но я бы не претендовал попасть в рай, постоянно греша с симпатичными куколками...

Зачем вы встали?

Я думаю идти, – ответил Георгий.

От меня? – спросила женщина.

Я бы пошел в детство. Во времена чистоты, в которых я мирно существовал до рождения похоти. Едва родившись, она замкнула все на себе.

И правильно! К чему куда-то уходить? Ты же взрослый! Ты нуждаешься в женщине!

Я бы побродил по зоопарку, – пробормотал Георгий, – поиграл в футбол, почитал бы книжки о приключениях...

Ты со мной! – закричала женщина. – Чем тебе не приключение?!

Т-ссс... ноги лупят по мячу, и голоса... люди выясняют, стоит ли засчитывать, не пролетел ли он мимо: где-то неподалеку гоняют в футбол. Я пойду посмотрю. Вы не со мной?

Давай я здесь лягу, и ты меня возьмешь! – предложила женщина. – А затем пойдешь!

Нет, нет... меня зовут.

Никто тебя не зовет! Лишь я к тебе взываю! Навались же на меня – проникни! Задолби! Не смей обижать женщину, разгоревшуюся к тебе лютой страстью! Я же кричу! На помощь! На помощь! Неужели ты не откликнешься?

Мне не до этого, – ответил Георгий.

Ты слюняй!... слабак! Ничтожество!

ВОЛОЧА меч, Георгий удаляется от вцепившейся себе в волосы женщины. От меча на земле остается полоса, и Георгий, заметив это, отходит назад и затирает след, чтобы женщина в дальнейшем отправиться за ним не смогла; она думает, что Георгий возвращается к ней и раскрывает объятия. Георгий кладет меч на плечо и торопливо идет – он не оглядывается, переходит на бег, связанные с футболом звуки до него больше не доходят, и Георгий в недоумении мечется у широкой впадины, из которой на его глазах вывинчивается крутящийся ста-

дион. Кручение и вращение усиливаются, Георгий выставляет меч, кидается на подвижную громаду и вылетает на поле.

Тут спокойно, хотя и шумно – с вращающихся вокруг поля трибун нисходит ужасающе громкая лавина слитных воплей; голые тела игроков разных команд окрашены в бирюзовый и малиновый цвет, встречая Георгия, они почтительно встают на одно колено. Сухощавый арбитр в натянутом на длинный судейский парик головном уборе римского папы шепчется в центре поля с двумя своими ассистентами, подтягивающими столь же мешковатые трусы; судьи обмениваются уверенными кивками. Глядящий на них Георгий не удерживается и тоже кивает.

Арбитр направляется к нему.

Ну и где же вы пропали? – спросил он. – Без вас у нас тут все просто срывается – без вас. У нас. Вам ясно? Взгляните на трибуны! Они вращаются, и, если вы задержите на них взгляд, у вас закружится голова. У вас меч?

Я опять должен им кого-то убить? – поинтересовался Георгий.

Вы должны пробить, – ответил судья.

Говорите менее иносказательно, – попросил Георгий.

У нас тут не Колизей – с нашей точки зрения. Чтобы сохранить вашу жизнь, вы не обязаны никого убивать. Впрочем, как вам угодно. Фаворитам мы не подсуживаем, секс-услуги не оказываем: мы вас понесем, и вы сами определитесь, что вам здесь надо.

Ничего особенного, – пробормотал Георгий. – Я зашел в футбол поиграть. Думал, тут играют, а у вас, похоже... на что же похоже?

Футбола не будет. В вашем понимании. Мы вас понесем, и вы пробьете: эй! эй!

Чего вы орете? – спросил Георгий.

Я подзываю помощников, – ответил арбитр. – Один я вас не донесу. Вот и они.

Подбежавшие помощники с наскока хватают Георгия за ноги и за плечи; тащить им его неудобно – норовя выскользнуть, Георгий без применения меча извивается в их руках попавшейся в сеть рыбой; в результате нахождения устраивающего всех варианта ситуация нормализуется.

И все-таки мы, как в Колизее, – сказал Георгий.

Вы имеете в виду, в целом? – спросил арбитр.

А вы слышите, что я говорю? Рев трибун не заглушает?

Они приветствуют вас. В силу этого только вы их и слышите. А я слышу вас. И они слышат.

Вы о своих помощниках, – догадался Георгий.

Будем считать, что о них. Когда мы вас донесем, мы поставим вас не землю, и вы пробьете. До данного исторического момента осталось совсем чуть-чуть. По всем предварительным раскладам вы не сможете промахнуться.

Насильно вы меня не заставите, – сказал Георгий. – Без осмысления того, что от меня требуется, я не совершу Поступок, какие бы перспективы вы мне ни сулили. Меня вам не завлечь. Я мыслю самостоятельно. Мяч...

Вы его заметили, – сказал арбитр.

Пробить по мячу!

Войти в историю. Превратиться в легенду. Мы вас опускаем... на землю. Не умаляя вашего величия. Идите и бейте, а о прочем не думайте: не старайтесь попасть в ворота. Подняв меч, случайностей вы избежите!

Да я не промахнусь, – сказал Георгий. – В детстве я забивал и в более сложных ситуациях.

Вы уже выросли! – крикнул судья. – Не забывайте!

Хватит меня одергивать... дайте сосредотчиться.

Георгий подходит к мячу. Вращение трибун ускоряется, одетый под спецназовца усатый вратарь от ужаса падает без сознания; несильный удар и гол! Георгий, не опуская меч, делает круг почета и в силу обстоятельств предполагает отбиваться мечом от прорвавшейся на поле массы почитателей с бесцветными пятнами вместо лиц.

Как бы он ни старался, перед такой толпой ему не устоять. Люди вопят: «Автограф! Фото на память! А меня поцелуйте! Разрешите мне вас потрогать!»; убегающий от преследователей Георгий убивает мечом нескольких особо навязчивых – он устает, смиряется, позволяет толпе опрокинуть своего кумира на землю, а после и погresti под собой.

ПОМЯТЫЙ Георгий в изодранной одежде ковыляет по нескончаемому плоскогорью с мечом и врученным за заслуги кубком в форме женского тела без ног и головы. Сладкое пение незримых птиц сменяется гвалтом и писком, оттенки неба ежесекундно варьируются от коричневого до коричнево-черного, в кубке что-то звенит и трясется. Предварительно его облапав, Георгий в него заглянул и достал гранату; он мнет ее в руках, непонимающе хмыкает, вытаскивает чеку.

Георгий бросает гранату. В грохоте взрыва различает ритмичную кантри-музыку.

Не успевает она смолкнуть, как к ней подмешивается топот лошадиных копыт – к Георгию со всей прытью несется выглядящий ковбоем всадник на рыжем дородном коне.

Подскакавший вплотную Салверий помахал Георгию револьвером и почтительно кивнул.

С коня мне слезть? – спросил он.

К чему? – с сомнением переспросил Георгий.

Мне с него все равно слезать придется. А как иначе! Мы заждались твоего сигнала, и когда ты его подал, я сразу же понесся к тебе, чтобы ты побыстрее среди своих очутился. Это произойдет весьма скоро!

Еще не произошло? – поинтересовался Георгий.

Пока нет, – пробормотал Салверий. – Но, если ты думаешь, что... отчего ты так думаешь? Ты же никуда отсюда не ускакал.

Но ко мне прискакал ты, – пояснил Георгий. – И я среди своих – их мало, лишь ты... однако единственного друга бывает достаточно. Ты мой друг?

Друг... огромная честь – я твой друг. Друг атаману и адмиралу, за которого и я, и все наши, костями ляжем. Куда бы ты нас ни повел, не отступимся. – Салверий спрыгнул с коня. – Садись на него! Луни его по бокам и он тебя как ветер домчит!

Дорогу он знает? – спросил Георгий.

Нет. Дорогу ему нужно указывать. Но трудностей у тебя не возникнет. – Салверий неопределенно махнул рукой. – Скачи вон туда.

Я понял. А ты?

За меня не тревожься, – ответил Салверий. – В обиду я себя не дам.

Ну что же, я уезжаю, – залезая на коня, сказал Георгий. – Но ты-то... ты как?

Я пешком доберусь. Да это не важно! Скачи галопом! Заблудившись, не останавливайся!

Салверий бьет коня по заднице, и тот взбрыкивает и уносит атамана и адмирала, сподобившегося оглянуться и увидеть, что Салверий поднимает и осматривает оставленный им кубок.

ИЗ-ЗА РЕЗВОСТИ беспокойно фыркающего жеребца пристально взглянуться в проносащуюся безликость Георгий не может; при поворотах она повторяется, Георгий абсолютно не знает, что он ищет, и безостановочно гоняет коня в разных направлениях; у выдыхающегося животного выступает пена, и Георгий намазывает ее на щеки, бреется своим мечом и не перестает напрягать глаза, стараясь высмотреть какой-нибудь призрак хотя бы чего-нибудь.

Совершенно неожиданно перед ним возникает двухэтажный дом. Георгий молниеносно натягивает поводья, поднимает коня на дыбы, в последнюю секунду избегает столкновения;

засучивший передними копытами конь разбивает оконное стекло, освобождается от соскочившего Георгия, со ржанием убегает.

Георгий через окно рассматривает помещение. Типичный салун: барная стойка, отдыхающие за столиками ковбой, отдельно сидящий индеец со сломанным пером в волосах; увидев Георгия, ковбой привстают.

Возможно, они рады. Будучи в этом не очень уверенным, Георгий отходит от окна и полагает уйти, однако, проходя мимо двери, он спонтанно дергает ее на себя и заходит в салун, где многое проясняется.

Это он! – закричал ковбой Хээпс.

Он! – подтвердил ковбой Брауч.

Атаман! – завопил ковбой Спотсон.

Наш командир и атаман! – крикнул Хээпс.

Он с нами, и мы с ним! – заорал Спотсон. – И никто нам не страшен! Тем более здесь, где только свои!

Ха-ха-ха! – засмеялся Брауч.

Нам весело, а будет еще веселее! – крикнул ковбой Маллон. – Ведь мы теперь сможем выпить! Не дожидаясь Салверия, мы начнем!

Кого? – спросил Георгий.

Ты прибыл сюда на его лошади, – пояснил ковбой Эрчуб. – Если не так, то скажи. Но не сейчас – первым делом мы выпьем.

Нам надо выпить! – крикнул Брауч.

Мы долго изнывали без выпивки и наш час пробил, – сказал Маллон. – Налей нам, атаман!

Просим тебя, адмирал! – крикнул Спотсон. – Разного пошла у нас бесчисленное множество – бутылки на барной стойке ты видишь, а они небольшая часть, виски, водкой, текилой забиты все кладовые, и этой ночью... вечером... что там на улице? Не утро?

Я не различаю, – ответил Георгий. – Направляясь к вам, я прошел и проехал приличное расстояние, и не разу не задумывался о времени суток. Бывало светло... темно... обычно нечто среднее. А чего вы столь резко заговорили о выпивке? У вас ее полно, ну и пили бы в свое удовольствие... какая связь со мной?

А ты не знаешь? – удивленно спросил Хээпс.

Он знает! – крикнул Брауч. – Он все знает! Недаром же он наш атаман и адмирал!

Истинный вожак нашей стаи! – проорал Брауч.

Непобедимый! – завопил Спотсон. – Крутой, как самое оно!

Вы погодите, – пробормотал Георгий. – В чем смысл?

Ничего себе вопрос, – хмыкнул Брауч.

Ну, ты и спросил, – покачал головой Эрчуб.

Я не глобально, – сказал Георгий. – По поводу выпивки... он в чем?

Да в том, – сказал Хээпс, – что лишь ты имеешь право встать за барную стойку и позволить нам утолить нашу жажду. Таковы условия. Оспаривать их нельзя. Притронься мы к бутылкам самостоятельно, нас бы не пощадили – полагая, мы распались бы на частицы прямо на месте.

Обратились бы в ничто, – кивнул Брауч.

Растворились бы со всеми ножами и стволами, – вздохнул Маллон.

И вы, – процедил Георгий, – радовались мне... ждали меня исключительно из-за этого? Ради того, чтобы я вам налил?

Ты, атаман, не упрощай, – сказал Спотсон, – мы все же...

Все же верные тебе люди, – продолжил мысль Маллон, – уважающие тебя...

Я вам налью, – сказал Георгий. – Напою вас до бесчувствия и свалю отсюда подальше. Если честно, я обижен. Путешествуя с этим мечом, я думал, что моя конечная цель гораздо существеннее, чем вы мне тут объяснили. Открывать бутылки и наполнять ваши стаканы... а меч? Убитый мною рыцарь советовал мне его не выбрасывать. И что мне им? Горлышки отбивать?

Не то, – веско сказал сидящий в углу индеец.

Я говорю не то? – спросил Георгий.

Или ты. Или я. Прикажи бледнолицым сесть и не двигаться. Этим приземленным собратьям не следует нам мешать, даже когда я на тебя наброшусь.

Ты уже все решил? – спросил Георгий.

Они рвутся выпить, – ответил индеец. – Я, как третий-перетертый индеец, пил немало, и, вероятно, пропил свои мозги, однако я буду с тобой беседовать.

Без драки? – уточнил Георгий.

У тебя меч. У меня больные внутренности и подслеповатые глаза. Либо я тебя узнал, либо обознался – сойдемся на том, что узнал. Ты с облегчением вздыхаешь, но я могу еще передумать. Тебя это не должно волновать. Я безоружен, и ты запросто отрубишь мне голову, отказавшись от мысли использовать содержащееся в ней знание. Ты упоминал о цели. О твоей – не моей. Не трогай мою голову – обратись к своей. Размышляй. Вытягивай основное.

Ты меня надоумил, – пробормотал Георгий, – ты...

Оставь меня, – сказал индеец. – Занимайся собой.

Подойдя к барной стойке, Георгий опирается на нее локтями, смотрит на бутылки, отключается от всего внешнего.

Он бродит по дебрям подсознания. Натывается на зловещий дворец. Проникнувшем за стены, видит восседающего в царской мантии правителя и копошущуюся у трона старую отвратительную ведьму.

У безжалостного правителя физиономия его отца. У гнусной ведьмы лицо его бабушки.

Теперь я уяснил, – пробормотал Георгий, вернувшись в салун. – Я бы не сказал, что раньше я ни о чем не думал, но стоило мне задуматься здесь, как ответ пришел. Враги проявились. Чтобы с ними разобраться, мы отправимся на их поиски, и нас не задержат ни морские чудовища, ни огромные волны... ничего случаемое на море.

Мы двинемся не по суше? – спросил Брауч.

Отнюдь. По суше я набродился, и мне было интересно, не скучно, это, конечно, пустое. По морю мы поплывем не за весельем. Вы крепкие парни, а я... вы же сами называли меня адмиралом: как знали. И я не подкачаю. Сколько бы людей не погибло, я буду биться за каждого. А потери неизбежны. И нечего тут роптать.

Да никто и не скандалит, – сказал Спотсон. – Мы все за тебя, атаман... адмирал. Проблема в море.

На его снисхождение, – сказал Георгий, – нам рассчитывать не приходится. На нас навалются и шквалы, и крушения...

Это не проблема, – перебивая атамана, сказал Хээпс. – Проблема в том, что нигде поблизости моря как бы нет.

Поблизости его нет, – сказал Маллон, – и мы бы с этим справились, но его нет и за тысячу километров отсюда. Я далеко заезжал – я разбираюсь.

Говоришь, его нет? – грозно спросил Георгий.

А что, – пробормотал Маллон, – не один я говорю: все подтвердят. Ну, чего вы молчите?!

Я не смолчу, – сказал Эрчуб. – Жизнь дорога, но правда дороже. Я подтверждаю, и делайте со мной, что хотите!

Вы честные и смелые мужчины, – поразмыслив, сказал Георгий. – Без таких, как вы, воплотить обуревающий меня замысел я бы никогда не сумел. Но у вас устаревшие сведения. Отныне море уже есть – оно возле выхода из салуна.

Прости за дерзость, адмирал, – сказал Хээпс, – прости и еще раз прости. Какое еще море...

Не мешало бы проверить, – сказал Спотсон.

Я вам не запрещаю, – сказал Георгий. – Ступайте и поглядите.

С опаской встав со стульев, Хээпс и Спотсон выходят за дверь. Остальные ковбои сидят и нервно переглядываются.

Насчет моря ты убежден? – спросил у Георгия индеец.

Оно появилось, – ответил Георгий. – Увидев его мысленно, на следующий этап раздумий я перешел. Относительно корабля, на котором море нам предстоит бороздить.

Увидеть корабль не получается? – поинтересовался индеец.

А у тебя? Как у тебя с кораблями?

Я помню своих предков, – ответил индеец. – Куря трубку, я тону в горьких воспоминаниях и сожалею, что во всей округе коренных краснокожих больше не осталось. Может, они уплыли. По морю... по морю. По твоему.

Его же прежде не было, – сказал Георгий.

Со своими предками я тоже не встречался. Меня привыкли считать тут единственным индейцем, а мне что... нечем мне возразить. И мои речи отнюдь не столь глубоки. Индейцу полагается заглядывать вглубь, но я общаюсь с бледнолицыми и теряю в глубине... вся надежда на твое море.

Вошедшие в салун Хээпс и Спотсон боязливо жмутся к двери.

И что у нас с морем? – спросил индеец. – Оно на месте?

Безбрежное, – ответил Хээпс. – Очень холодное.

Метрах в десяти, – пробормотал Спотсон. – Действительно у входа.

Мы сходили и потрогали, – сказал Хээпс. – Оно на редкость холодное. Соленое... я зачерпнул и попробовал на язык.

Я не пробовал, – сказал Спотсон. – Челюсть отвисла, и я... разглядыванием ограничился.

ГЕОРГИЙ в принесенном кресле, Салверий с индейцем стоят у него спиной; все они на низком берегу у безжизненного моря, простирающегося перед ними насколько хватает глаз.

Трое занятых делом людей словно бы вырезаны из камня. Потом они все-таки демонстрируют, что они живы и утомлены: Салверий встряхивает затекшими от стояния ногами, Георгий в усиленной борьбе с последствиями поднадоевшего нахождения в кресле украдкой потягивается, индеец дымит трубкой и, уперевшись в правый бок, совершает небольшие наклоны.

Красивое море, – сказал Салверий. – Если что-то подобное способно быть красивым, то оно красиво. Жаль, кораблей не видать.

Корабль нам необходим, – сказал Георгий. – Иного пути добраться до намеченной мною точки я еще не нашел.

Думаешь найти? – спросил Салверий.

Когда я смотрю на море, я думаю о небе, которое над ним. Над морем оно не то, что над сушей.

Лично я разницы не замечаю, – признался Салверий.

Ты смотришь на небо, – сказал Георгий. – А я на море. Мы без перерыва находимся возле него не первый день и не узрели ни единого корабля. Что плохо. Тоска заедает...

Подумай о твоём кубке, – предложил Салверий, – и тебе полегчает.

Ты его принес? – спросил Георгий.

Он в салуне. Стоит на самом почетном месте, как подтверждение твоей гениальности.

Чтобы его получить, – сказал Георгий, – каких-то сверхусилий мне прикладывать не потребовалось. Но кубок есть кубок. Просто так его не вручат.

Кому попало не дадут, – кивнул Салверий.

Еще бы корабль, – вздохнул Георгий.

Тут пока неудача, – промолвил Салверий. – Появись он перед нами, мы бы заметили.

Два уже появлялось, – сказал индеец.

Это когда? – воскликнул Георгий.

Один при полной луне, второй на рассвете. С вашими глазами белых людей вы высмотреть их не могли: они прошли далеко-далеко от берега.

А ты высмотрел? – спросил Салверий. – У тебя же слабое зрение.

Хо-хо. При чем тут зрение. Имеет значение не примитивное зрение, а духовное видение различных предметов, среди которых и плывущие по воде, и лежащие под землей. Вот ты... выдающийся человек, атаман, адмирал, чемпион, но вместе с тем ты всего лишь бледнолицый, и сколь не воспарила бы твоя душа, твоя кровь будет препятствовать тебе овладеть свободой мышления. К чему я о кораблях завел разговор? Два вы пропустили.

Как сказать, – пробормотал Георгий.

На горизонте третий.

Где?! – крикнул Салверий.

За горизонтом, – ответил индеец. – Он безусловно там. И он не в движении – бросил якорь... стоит и будто манит: плывите ко мне, захватите меня, плывите на мне, и я доставлю вас, куда пожелаете, мои паруса не лопнут от ветра и рухнувшей мачтой никого не прибьет. Итак, кто отважится?

Плыть? – спросил Георгий.

К кораблю. Отчаянно работая руками и ногами. Теряя силы и проклиная судьбу. Без этого не обойтись.

А лодки у вас нет? – спросил Георгий у Салверия.

Откуда, атаман? У нас и моря недавно не было. А ты вдруг о лодке.

Я не предъявляю претензий: нет лодки и... разумеется, печально, что нет, хотя мне по силам сплавать самому: я обязан. Я – лидер... атаман...

Адмирал, – напомнил Салверий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.